

Е.Г. Луговская

*Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко,
Тирасполь, Молдавия*

**ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ
РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ (TAG QUESTIONS):
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И АДЕКВАТНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ КИНОТЕКСТА)**

В настоящей статье представлены результаты системного анализа лексико-грамматических и коммуникативно-прагматических особенностей функционирования разделительных вопросов в кинотексте и предложены варианты их возможной интерпретации. Приводятся примеры разделительных вопросов, адекватный перевод которых возможен только с учетом их стилистической задачи, доказывається, что анализируемая грамматическая конструкция может выступать текстообразующим элементом. Настоящее исследование актуально в рамках дискуссии о точности перевода художественного текста, подтверждается необходимость рассмотрения структуры текста и места в нем стилистически значимых единиц (в частности, разделительных вопросов). Использован системный подход, предполагающий параллельное применение структурно-грамматического, лексико-стилистического, семантико-когнитивного и коммуникативно-прагматического подходов к анализу текста в их взаимодействии, что позволяет учесть особенности грамматики, синтактики, семантики и прагматики функционирования тэг-вопросов, рассмотреть их стилистический и композиционно-структурный потенциал. Обосновывая необходимость системного подхода к определению необходимого и достаточного объема контекста при переводе и интерпретации текста, автор отмечает важность учета многомерности контекста, реализованного в формально-грамматическом, лексико-семантическом, риторико-стилистическом и коммуникативно-прагматическом измерениях. Исследование проведено на материале субтитров – текстов диалоговых взаимодействий героев фильма комедийного жанра «Paul» (2011) режиссера Greg Mottola, реализованных как максимально близкая к живому использованию литературно-художественная стилизация разговорной речи.

Ключевые слова: разделительный вопрос, системный подход, кинотекст, перевод, интерпретация, текстообразующая функция.

Сведения об авторе:

Луговская Елена Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь, Молдавия); e-mail: lugowska@spsu.ru.

Введение

Разделительный вопрос или tag question – распространенная синтаксическая речевая конструкция, часто встречающаяся в разговорном английском. Особое качество вопросительности тэг-вопроса, позволяет говорить о том, что разделительные конструкции не вопросительны в полной мере, так как первая часть вопросительного высказывания, как правило, реализована не вопросительным предложением и выступает отличительной чертой данного типа синтаксических конструкций. С точки зрения содержания, специфика конструкции, содержащей разделительный вопрос, обусловлена его способностью функционировать в качестве способа проверки предположения и выражения своего мнения говорящим, а также завязывания и поддержания разговора, вежливой просьбы, запроса информации, выражения эмоций (удивление, интерес, юмор, ирония, сарказм) [Вейхман, 2002: 258].

Синтаксическая структура разделительного вопроса достаточно изучена: разделительный вопрос состоит из главного (может быть представлен повествовательным, повелительным

или восклицательным предложением) компонента и вопросительного сегмента (бывает вербальный и невербальный) [Ковбаско, 2008: 232]. Дискурсивные функции разделительного вопроса находятся в прямой зависимости от того, средствами какой – регулярной (или стандартной, по другой терминологии – сбалансированные (-/+; +/-) и несбалансированные (+/+; -/-) конструкции) и нерегулярной (или нестандартной, по другой терминологии – вопросительный сегмент выражается через восклицание (*um, eh, er, ah, huh*) и через восклицательные слова и выражения (*right, surely all right, ok, yes, no*) субпарадигмы они реализованы. [Ковбаско, 2008: 237].

Широко исследуется функционирование вопросов-тэгов в различных типах дискурса (институционального, разговорного, художественного, гендерно-определенного, др.) [Allerton, 2009; Axelsson, 2011; Евсикова, 2017; Кочетова, 2021; Коготкова, 2013; Mukhortov, Poletaeva, 2020; Селезнева, 2019 и др.], обсуждается прагматика (информационный, подтверждающий и оценочный аспекты) использования тэг-вопросов [Axelsson, 2014; Baker, 2015; Лебедева, 2019], а также особенности функционирования тэг-вопроса в региональных вариантах английского [Tottie, Hoffmann; Kimps, 2014]; при рассмотрении функциональной категоризации вопросов-тэгов особо отмечается необходимость выделения в единицу анализа всего вопроса-тэга, i.e. the anchor and the tag taken together, and not just the tag [Axelsson, 2014].

Исследователи сходятся во мнении о том, что разделительный вопрос, обладая формальной и смысловой контрастностью, отличается особым прагматическим потенциалом [Кочетова, 2021: 86], особой коммуникативностью и сущностной диалогичностью.

Разделительные конструкции, используемые в речи для переспроса, уточнения, выражения сомнения, подтверждения уверенности в своей правоте, необходимости подчеркнуть утверждение, в каждом из этих случаев функционируют как эмфатические конструкции – эмоциональный эффект высказывания усиливается именно за счет специфичности формы и прагматичности содержания разделительной структуры. Оформляя свою реплику в виде разделительной конструкции, говорящий не только предлагает своему визави «разделить» с ним его отношение к происходящему – он, прежде всего, намерен уточнить степень и качество вовлеченности своего собеседника в происходящее и таким образом подтвердить общую готовность к коммуникативному взаимодействию и, что особенно важно, достижению цели коммуникации. Принцип кооперации, выступающий на передний план при использовании разделительных конструкций, обеспечивается такой настроенностью коммуникантов друг на друга, когда известная (понятная, предполагаемая как достоверная или недостоверная) информация, озвучиваемая одним из коммуникантов, настолько же значима (и максимально уместна!) для понимания текущей ситуации другим коммуникантом.

В качестве материала исследования был выбран кинотекст фильма комедийного жанра «Paul» (2011) режиссера Greg Mottola как разновидность креолизованного текста, представляющего собой «связное, цельное и завершенное сообщение, выраженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иконических и / или индексальных) знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов, зафиксированное на материальном носителе и предназначенное для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия зрителями [Слышкин, Ефремова, 2004: 32]. Анализу подвергались тексты диалоговых взаимодействий героев фильма, реализованные как максимально близкая к живому использованию литературно-художественная стилизация разговорной речи, материализованная в текстовых материалах субтитров (титры к фильму взяты с сайта <https://www.opensubtitles.org/ru/subtitles/>).

1. Несколько замечаний о материале исследования

Безусловно, перевод фильма как художественного текста имеет свои особенности: как собственно языковые (например, реплики персонажей в меньшей степени стилизованы под разговорную речь), так и обусловленные форматом представления текста (наличием картинки, звуковых, музыкальных эффектов). И, по большому счету, речевое сопровождение видеоряда

представляет собой деформированную текстовую структуру (по сравнению с текстом сценария, например, где указываются необходимые для адекватной интерпретации замысла автора детали). Следовательно, важно рассматривать элементы этой текстовой структуры как языковые знаки, которые в данном контексте эксплицированы как элементы сложных знаковых комплексов наряду с паравербальными и невербальными знаками, которые также представлены элементами соответствующих знаковых систем. Кроме того, понимание кино как вида искусства обуславливает выдвижение такой функции используемых в нем знаковых систем, как функция эмоционального воздействия, и делает ее основной. При этом задачи, решаемые переводчиком при работе с титрами к фильму, по сравнению с задачами перевода художественного текста имеют свою специфику, обусловленную, во-первых, причинами технического свойства (например, требованиями к длине слов и количеству строк в титрах), лингвокультурологического (например, необходимостью текстовой интерпретации культурноспецифичных невербальных знаков или невозможностью использования при переводе соотносимого с языком оригинала слова в силу наличия у него неуместных коннотаций или ассоциаций) и даже идеологического характера. Во-вторых, имеют место ортологические особенности – в реализации коммуникативных качеств речи персонажей фильма на передний план выступает требование краткости и лаконичности. И наконец, в-третьих, нельзя не учитывать непрекращающиеся споры о допустимости адаптивного перевода, приемы которого, с одной стороны, иногда позволяют максимально точно к интенции говорящего и смыслу всего фильма интерпретировать его реплики (тут, наверное, уместнее именно *интерпретировать*, а не *перевести*), с другой стороны могут быть использованы как средства подмены этнокультурного колорита путем включения устойчивых речевых, коммуникативных, культурных паттернов языка перевода в речь представителей другой лингвокультуры (См., напр.: [Колосов, 2016; Сорокин, Тарасов, 1990; Ласица, Соколова, 2022]).

Для краткости будем использовать следующие условные обозначения при цитировании диалоговых взаимодействий фильма:

1: собеседник 1 – writer Clive Gollings – один из друзей, писатель;

2: собеседник 2 – Graeme Willy – второй из друзей, художник;

A: alien Paul – инопланетянин;

P: Pat – владелица бара НЛО-тематики;

R: Рут, девушка, которую встречают друзья, и которая затем с ними и инопланетянином путешествует к месту его отправления домой;

R'f: отец Рут, ревностный христианин, принявший инопланетянина за демона и пытающийся освободить свою дочь и застрелить инопланетянина;

Z: агент секретной службы Zoil, друг инопланетянина;

Ag1 и Ag2: агенты секретной службы, преследующие инопланетянина вместе с агентом Zoil;

BG: Big Guy, женщина-начальник агентов, жаждущая схватить инопланетянина.

Перевод, интерпретация и адаптация текстов диалоговых взаимодействий везде по тексту статьи авторская.

В своем исследовании мы использовали системный подход, предполагающий параллельное применение структурно-грамматического, лексико-стилистического, семантико-когнитивного и коммуникативно-прагматического подходов к анализу текста (в самом широком понимании этого термина) в их взаимодействии и взаимодополнительности. Такой подход позволил акцентировать внимание не просто на грамматике или синтактике, семантике или прагматике функционирования разделительных вопросов в речи, но по совокупности этих особенностей рассмотреть их стилистический и композиционно-структурный потенциал в связи с вопросами перевода и интерпретации речи героев кинотекста.

2. Функционирование разделительных конструкций как текстообразующих элементов

Понимание структурно-грамматических и коммуникативно-прагматических особенностей вопросительных предложений, с помощью которых можно производить все основные действия, осуществляемых посредством языка вообще [Голубева-Монаткина, 2001, 49], особенно важно при решении задач перевода и художественной интерпретации разговорной речи. При таком подходе на первый план выходит не столько сам разделительный вопрос, сколько контекст, а точнее то диалогическое единство, в котором реализована коммуникативная интенция, и шире – патронажный дискурс в структуре кинотекстовой коммуникации. Важно отметить, что в этих условиях категориальная специфика тэга не является определяющей при выборе стандартной или нестандартной конструкции, хотя, как нам кажется, сбалансированность используемой конструкции важна для реализации ее стилистического потенциала.

Рассмотрим примеры использования разделительных конструкций с ярким стилистическим заданием в рассматриваемом кинотексте.

2: *That's a very loud clock, isn't it?* Герои фильма оказываются в гостях у женщины (теперь уже пожилой), которая девочкой спасла инопланетянина, что в конечном счете разрушило ее жизнь (*A: I ruined your life, Tara*), но теперь она, наконец, может быть полностью уверена в том, что детское происшествие не было выдумкой. Начало разговора не клеится, пауза затягивается, и тогда один из гостей замечает очевидную вещь – громко тикающие часы. Сам факт указания на это важен и для динамики сюжета – зритель вдруг тоже обращает внимание на гнетущее молчание и тяготеет к нему. Языковое же оформление фразы в виде разделительной конструкции стандартного типа используется как неудачная попытка реализации стратегии негативной вежливости: пытаюсь как-то начать разговор, собеседник 2 использует абсолютно непродуктивную ни с точки зрения специальной, ни с точки зрения общей тематики тему. Реплика повисает в воздухе без ответа, которого требует данная грамматическая конструкция, однако именно после этого женщина начинает свой монолог. Стандартная разделительная конструкция выполняет здесь этикетную функцию, что в русской интерпретации может быть передано эмфатически: *Такие громкие часы!* – в этом случае реплика может быть отнесена ко всем участникам коммуникации – гостям и хозяйке дома. Если же переводить ее с учетом грамматической конструкции: *Это очень громкие часы, да (не так ли)?*, то ее неуместность будет еще более очевидной.

В следующем примере стандартный тэг в контексте диалогового единства приобретает ироническое звучание: *R'f: I didn't call the government. I called the police! / Z: This is not the police's area of expertise, Mr. Buggs. / R'f: That devil took my daughter. / Ag1: What do you mean, devil? / Z: And your daughter's name is Ruth, is it? / R'f: That's right. I brought her up by myself after her mama died.*

Отец Рут (Mr. Buggs, владелец кемпинга для трейлеров) – девушки, которая волею случая оказалась в компании путешественников и инопланетянина – представлен в фильме главноверующим человеком (его даже зовут соответственно – Моисей), поэтому инопланетянина он интерпретирует как демона. Это очень помогает агенту Zoil держать в неведении младших агентов относительно объекта их поисков во время опроса Mr. Buggs и представить его как спятившего на религиозной почве отца молодой девушки, которая пропала (например, убежала с молодым человеком).

R'f: That devil took my daughter. / Ag1: What do you mean, devil? / Z: And your daughter's name is Ruth, is it? / R'f: That's right. <...> Агент Zoil быстро находится, когда один из младших агентов пытается уточнить у отца Рут, что же он имеет в виду под словом *демон*, словно отвечая на эту реплику младшего агента: *And your daughter's name is Ruth, is it?* При этом сама разделительная конструкция, использованная в диалоге с отцом Рут, произносится агентом с интонацией, указывающей на продолжение уточнений по сути происшествия. Акцентирование внимания на имени значимого религиозного библейского персонажа в контексте с заявлением о том, что Рут похитил демон, делает настоящую ситуацию нереальной, что очень важно для агента Zoil в свете необходимости и дальше оставлять младших агентов в неведении относительно объекта их поисков. В этом случае, для того чтобы передать сквозящую в реплике

иронию, а также подчеркнуть официальность этого речевого взаимодействия, правильнее максимально буквально перевести тэг: *И Вашу дочь зовут Рут, не правда ли?*

Интересно использование модального глагола *would* в следующем примере с разделительной конструкцией, оно позволяет не только показать отношение говорящего к действию, названному основным глаголом, как к ситуации нереальной в настоящем (глагол *would* с инфинитивом без частицы *to* помогает передать неуверенность или нереальность), но и передать саркастический оттенок языковой игры, наличествующей в данном высказывании.

2: *We can't risk that! If we take her with us, then we can get her on our side!* / 1: *You'd love to get her on our side, **wouldn't you?*** Выражение *to get on one's side* в первой реплике используется как идиома, а в ответной реплике актуализуется буквальный смысл фразы, приобретающий скабресный оттенок и передающий саркастическое отношение говорящего к ситуации (в которой может быть реализована высказанная ранее мечта собеседника 2 о встрече с девушкой (2: *What do you think you're gonna dream about?* 1: *Oh, the open road. High adventure. That kind of thing. You?* 2: *Wonder Woman. 1: Please, don't.*): *а тебе бы хотелось к ней под бочок, да?*

Языковая игра в данном случае практически непереводаема (в одном из переводов, с которым мы ознакомились, было обыграно слово *примкнуть*: *Если возьмем с собой, то, может она к нам примкнет* (в основном значении)! / *Ты бы к ней примкнул* (коннотация и ассоциации, использован намек), *да?*). Но можно поступить иначе – используя экспрессивный потенциал разделительной конструкции, передать стилистическую сниженность и саркастичность высказывания: *А ты, я смотрю, тащишься от этой идейки, да?* (это было предложено в другом переводе).

Интересна разделительная конструкция с повтором вспомогательного глагола первого лица – она встречается в речи инопланетянина: 2: *Poor little thing!* / 1: *Nothing you could've done, mate.* / 2: *What you doing?* / A: *Just watch.* / 2: *It's a miracle!* / A: *Man, I'm gonna miss these. Mmm.* / 2: *Why would you do that?* / A: ***I'm not** going to eat a dead bird, **am I?*** Здесь тэг не редуцирован до дискурсивного слова, во-первых, потому что первая утвердительная часть разделительной конструкции отрицательна, а, во-вторых, с таким тэгом, фраза становится интересной стилистической конструкцией с кольцевым повтором, что придает ее содержанию особую выразительность (юмористический эффект на основании эффекта обманутого ожидания). Этот прием практически невозможно воссоздать при переводе: (*Птица врезалась в лобовое стекло*) *Бедняжка!* / *Ты ничего не мог поделать, дружище* / *Что ты делаешь? Просто смотри.* (*инопланетянин оживляет птицу*) / *Это чудо!* / (*инопланетянин одним движением запихивает птицу в рот и съедает ее*) *Блин, мне будет этого не хватать, ммм (издает звук, показывающий как ему вкусно) / Зачем ты это сделал? / А что, мне ее дохлую жрать, что ли?*

Подобный стилистический прием используется и в следующем фрагменте: R: *God created the Earth in six days, and on the seventh day he rested.* / A: *Really?* / 2: *Or it could be God. **You don't know, do you?** It's up in the air.* / R: *The world is 4,000 years old and can only be the product of intelligent design.* В этом случае фраза напоминает словесный палиндром – *You don't know, do you?* Перевести и сохранить выразительность структуры еще сложнее в том числе и потому, что здесь добавляются сложности с интерпретацией местоимения *you* при обращении к малоизвестной девушке (ты или Вы). Приблизительное соответствие может быть таким: *Откуда нам знать, откуда? Этого же никто не знает!*

Особый интерес представляет два следующих диалоговых единства, которые условно могут быть рассмотрены как разделительные конструкции, части которых озвучены разными участниками диалога.

Персонаж фильма (персонаж женский), поименованный как *Big Guy*, собирается вернуть беглеца инопланетянина, но друзья (собеседники 1,2) пытаются противостоять этому. BG: *Let's go, Mork.* / A: *Don't call me Mork.* / 1, 2: *No.* / A: *Guys, you don't have to do this.* / 1: ***No, he's going nowhere.*** / BG: ***Can it, nerds.*** Диалоговое единство представлено таким образом, что последовательность реплик симулирует разделительный вопрос с модальным тэгом: *No, he's going nowhere, can it.* Первая часть отрицательно утвердительна (причем контекст под-

сказывает, что утвердительность категорическая), тэг, как уже было указано, реализован модальным глаголом, который можно перевести как *неужели...*, что дает нам дополнительные основания к рассмотрению его как тэга. Модальный глагол *can* употребляется для выражения физической возможности или умения, разрешения или запрета, сомнения или уверенности, просьбы и даже невероятности чего-то, и в настоящем контексте реализованы практически все эти значения: модальный тэг нивелирует категоричность положительного утверждения первой части, что обеспечивает возможность реализации насмешки вторым участником диалога на основании подхвата (анадиплозис без материализации повтора) предыдущего высказывания – таким образом, реальная конструкция превращается в саркастическую: *He пойдёт он никуда / Решено!*

Такой же риторический прием используется в продолжение этого диалога, с той лишь разницей, что здесь реализована потенция английского глагола *do* использоваться для усиления смыслового глагола в утвердительных конструкциях в значении ‘действительно, именно так, на самом деле, таки, все же, точно, обязательно и т.п.’, что в какой-то мере, может служить объяснением несоответствия вспомогательных глаголов первой и второй части разделительной конструкции: *BG: Shit, I'd shoot you now if I didn't get off on the idea of your being hog-tied and pissed on in Guantanamo Bay. / 2: They've shut Guantanamo Bay. / BG: Did they?* Условноразделительная конструкция *They've shut Guantanamo Bay, did they?* оказывается конструкцией с одинаково положительными частями только формально, потому что негативная семантика тэга реализуется в столкновении пресуппозитивных высказываний – утвердительного *They didn't shut Guantanamo Bay* и усилительного *They did shut Guantanamo Bay*: *Они прикрыли Гуантанамо. / Да, неужели?!*

И, прежде чем перейти к выводам о необходимости системного подхода к определению необходимого и достаточного объема контекста при переводе и интерпретации, остановимся еще на одном весьма показательном в свете предмета исследования примере: *2: I think this is probably the most fun I have ever had. I'm so glad we came, Clive. Clive? I was over there, on my own. / <...> 1: This is all my fault. We should never have come on holiday. / 2: No, no. It's fine. It's fine, Clive. We've had a good time, haven't we? / 1: Yeah. But you got shot. / 2: Yeah, I know. But I can honestly say, Clive, this is the most fun I have ever had.* Угловые скобки в данном фрагменте позволяют «пропустить» почти всю историю с инопланетянином. Первый отрывок (без разделительной конструкции) взят из той части фильма, которую мы бы назвали вступлением (до встречи с инопланетянином), второй отрывок – из кульминационного для всей истории момента, когда не только решается вопрос, сможет ли инопланетянин отправиться домой, избежав насильственного возвращения в зону 51, но и выйдут ли друзья без потерь из этой истории – речь идет о том, что пытаюсь застрелить из ружья инопланетянина (демона в его понимании), отец Рут попадает в одного из друзей, – после чего, собственно, инопланетянин его оживляет и история подходит к концу.

Обратимся вначале к разделительной конструкции *We've had a good time, haven't we?* Это все еще настоящее время (*historic present*), хотя уже *present perfect*, история заканчивается, но еще не закончилась, она вполне способна «перезапуститься» (что и происходит, когда инопланетянину удастся вернуть застреленного из дробовика к жизни). Адекватно перевести грамматическое значение для данной конструкции на русский язык достаточно сложно, потому что в английском языке настоящее совершенное обозначает действие, которое началось в прошлом и завершилось к настоящему моменту, такое действие воспринимается в настоящем времени, а не в прошлом, так как результатом привязано к настоящему. Здесь необходима интерпретация и адаптация, тогда сохраняется и тонкий (в большей степени черный) английский юмор, и привязанность действия к текущему моменту как моменту завершённому, но не прошедшему: *Мы ведь шикарно проводим время, да? / Да, но тебя подстрелили / Да, я понимаю, но на самом деле это лучшее времяпровождение, о котором только можно мечтать.* Выйти на такую интерпретацию можно только с учетом фигуры повтора *this is the most fun I have ever had*, которая использована в начале фильма и повторена в конце, и которую желательно в обоих случаях перевести одинаково – с акцентом на грамматику фразы.

Как видим, для оригинального текста коммуникации значимой может выступать не столько прагматическая установка, сколько способ ее формально-грамматической реализации. Специфика английского языка, обусловленная обязательным наличием глагольной формы, по которой определяется время коммуникации (идет ли речь о моменте здесь и сейчас или о том, что уже прошло, заканчивается, прекратится или будет продолжаться далее), особенности темпоральной картины мира, отраженной в английском языке, заставляет интерпретатора особое внимание уделять этим характеристикам диалоговых взаимодействий с разделительными конструкциями, а также учитывать согласование временных пластов в объеме широкого контекста взаимодействия всех участников общения.

Заключение

При интерпретации разделительных конструкций художественного текста важно учитывать их способность выступать в роли стилистических средств создания образности. Потенциальная готовность стандартных разделительных конструкций как прямых иллокутивных актов функционировать одновременно и как косвенные, реализуемая, в большей степени, за счет компонентов реляционного значения используемых разделительных элементов, требует особое внимание уделять лексико-грамматической характеристике используемых средств. Экстралингвистические характеристики ситуации общения и особенности речевого портрета самого говорящего обязывают не только рассматривать как контекст интерпретации само диалогическое единство, в котором функционирует разделительный вопрос, но акцентировать внимание на лингвокультурной и коммуникативно-прагматической специфике вербального и невербального взаимодействия в рамках некоторого фрагмента реального или вымышленного мира.

Экспрессивность разделительных конструкций, реализуемая для стандартного их представления как экспрессивность, прежде всего, стилистическая, позволяет при переводе и интерпретации использовать арсенал риторических фигур и тропов для передачи замысла говорящего или – в рамках художественного текста – замысла автора, что актуализует такую функциональную особенность использования разделительных конструкций в художественном тексте как способность участвовать в текстообразовании.

Таким образом, минимальным контекстом для перевода и интерпретации любого типа разделительных конструкций выступает диалоговое единство, то есть сама конструкция и ответ собеседника (вербальный или невербальный). Максимальный же контекст определяется только степенью погруженности переводчика в ситуацию перевода в рамках фрагмента реальной или вымышленной картины мира. Может быть достаточно тех смыслов, которые продиктованы экстралингвистическими характеристиками ситуации и / или формально-грамматическими особенностями самой конструкции и значимости их для уточнения содержания переводимого, на которые указывает ближайший контекст использования разделительной конструкции. В этом смысле оказывается важным не столько сам объем контекста, сколько его многомерность, реализованная в формально-грамматическом, лексико-семантическом, риторико-стилистическом и коммуникативно-прагматическом измерениях.

Литература:

1. Вейхман Г.А. Новое в грамматике современного английского языка. Москва, 2002.
2. Евсикова Е.А. Разделительный вопрос и обращение как актуализаторы фактора воздействия на адресата в английском диалогическом дискурсе // Вестник Брянского государственного университета. 2017. С. 243–248
3. Ковбаско Ю. Синтаксический аспект разделительных вопросов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2008. № 2 (4). С. 231–237.
4. Коготкова С.С. Функции разделительных вопросов в деловом интервью-диалоге // Русистика. 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-razdelitelnyh-voprosov-v-delovom-intervyu-dialoge>.
5. Кожокару Т.И. К вопросу о методологии анализа фильма // Артикульт. 2021. № 4 (44). С. 118–148. doi: 10.28995/2227-6165-2021-4-118-148

6. Колосов С.А. О соотношении понятий «локализация» и «перевод» // Иностранные языки: Лингвистические и методические аспекты. 2016. № 36. С. 106–111.
7. Кочетова Л.А., Ильинова Е.Ю., Клепикова Т.А. Лингвопрагматическое исследование разделительного вопроса в англоязычном межличностном общении: Корпусный анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20. № 5. С. 67–86. doi: 10.15688/jvolsu2.2021.5.6
8. Ласица М.В., Соколова Т.В. Переводческие трансформации текста в поиске смыслов // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. № 4 (17). С. 25–27, С. 146–161.
9. Лепкова Л.В. Вопросительные предложения в английском языке // Международный научный журнал «Вестник науки». 2022. Т. 1. № 1 (46). С. 44–49.
10. Селезнева В.В. Английский разделительный вопрос как лингвоэкологичный феномен межличностного общения // Научный диалог. 2019. № 7. С. 107–123.
11. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водoley Publishers, 2004.
12. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. Москва, 1990.
13. Alexander L.G. Longman English Grammar. Edinburgh Gate: Longman, 2006.
14. Allerton D. Tag Questions in G. Rohdenburg and J. Schlüter. One Language, Two Grammars? Differences between British and American English (Studies in English Language). Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 306–323.
15. Axelsson K. Confirmation-Demanding Tag Questions in Fiction Dialogue // Subjectivity and Epistemicity: Corpus, Discourse, and Literary Approaches to Stance (ed. by Dylan Glynn and Mette Sjölin). Lund Studies in English, 2014. P. 189–209.
16. Axelsson K. Tag Questions in Fiction Dialogue. Gothenburg, 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hdl.handle.net/2077/24047>.
17. Baker D. Tag questions // ELT Journal. 2015. № 69 (3). P. 314–318.
18. Kimps D. et al. A Speech Function Analysis of Tag Questions in British English Spontaneous Dialogue // Journal of Pragmatics. 2014. № 66. P. 64–85.
19. Mukhortov D., Poletaeva A. Pragmalinguistic Competence of U.S. State Department Spokesperson: A Case Study of Heather Nauert's Press Briefings // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2020. № 6.
20. Tottie G., Hoffmann S. Tag Questions in British and American English // Journal of English Linguistics. Vol. 34, Issue 4. doi: 10.1177/0075424206294369

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Статья поступила в редакцию 30.06.2023

E.G. Lugovskaya

Pridnestrovian State University, Tiraspol, Moldova

**TEXT-FORMING FUNCTION OF TAG QUESTIONS: TRANSLATION
AND ADEQUATE TEXT INTERPRETATION PROBLEMS
(BASED ON CINEMA-TEXTS)**

The article presents the results of a system analysis of lexical-grammatical and communicative-pragmatic features of tag questions' functioning in the cinema-text. Options for possible interpretation are proposed. Examples of tag questions are provided; their adequate translation is possible only taking into account their stylistic function. It is proved that the grammatical structure can act as a text-forming element. The study is relevant in the framework of the discussion about the accuracy of a literary text translation. It confirms the need to bear in mind the structure of the text and the place of

stylistically relevant units (tag questions, in particular) in it. A system method was used, involving the parallel application of structural-grammatical, lexical-stylistic, semantic-cognitive and communicative-pragmatic approaches to the analysis of the text in their interaction; which made it possible to take into account the peculiarities of grammar, syntactics, semantics and pragmatics of tag questions' functioning. Their stylistic and compositional-structural potential was considered. Justifying the need for a system approach to determining the necessary and sufficient volume of context in translation and text interpretation, the author notes the importance of considering the multidimensionality of the context implemented in the formal-grammatical, lexical-semantic, rhetorical-stylistic and communicative-pragmatic aspects. The study was carried out on the basis of subtitles – dialogue interactions in the comedy film “Paul” (2011) directed by Greg Mottola, implemented as the closest possible to live use of literary and artistic stylisation of colloquial speech.

Key words: tag question, system approach, cinema-text, translation, interpretation, text-production function.

About the author:

Lugovskaya Elena Grigorievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Assistant Professor of the Russian Language and Intercultural Communication Department, Pridnestrovian State University (Tiraspol, Moldova); e-mail: lugowska@spsu.ru.

References:

1. Veykhman, G.A. *New in the Contemporary English Grammar*. Moscow, 2002.
2. Evsikova, E.A. “Disjunctive Question and Appeal as Actualizers of the Factor of Influence on the Addressee in the English Dialogic Discourse.” *Vestnik Bryanskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2017, pp. 243–248.
3. Kovbasko, Yu. “Syntactic Aspect of Separation Questions.” *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology*, no. 2 (4), 2008, pp. 231–237.
4. Kogotkova, S.S. “Functions of Disjunctive Questions in a Business Interview-Dialogue.” *Rusistika*, 2013, <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-razdelitelnyh-voprosov-v-delovom-intervyu-dialoge>.
5. Kozhokaru T.I. “On the Question of the Movie Analysis Methodology.” *Artikul't*, no. 4 (44), 2021, pp. 118–148. doi: 10.28995/2227-6165-2021-4-118-148
6. Kolosov, S.A. “On the Relationship between the Concepts of “Localisation” and “Translation.” *Inostrannye Yazyki: Lingvisticheskie i Metodicheskie Aspekty*, no. 36, 2016, pp. 106–111.
7. Kochetova, L.A., Ilyinova, E.Yu., Klepikova, T.A. “Tag Questions in English Spoken Discourse: Corpus-g Based Linguistic and Pragmatic Analysis.” *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, vol. 20, no. 5, 2021, pp. 67–86. doi: 10.15688/jvolsu2.2021.5.6
8. Lasitsa, M.V., Sokolova, T.V. “Translational Transformations of the Text in Search of Meanings.” *Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Studies*, no. 4 (17), pp. 25–27, 146–161.
9. Lepkova, L.V. “Interrogative Sentences in English.” *Mezhdunarodnyy Nauchnyy Zhurnal “Vestnik Nauki,”* vol. 1, no. 1 (46), 2022, pp. 44–49.
10. Selezneva, V.V., Evsikova, E.A., Tarverdyan, A.Sh. “English Tag Question as Linguo-Ecological Phenomenon of Interpersonal Communication.” *Nauchnyy Dialog*, no. 7, 2019, pp. 107–123. doi: 10.24224/2227-1295-2019-7-107-123
11. Slyshkin, G.G., Efremova, M.A. *Kinotext (Experience of Linguoculturological Analysis)*. Moscow, 2004.
12. Sorokin, Yu.A., Tarasov, E.F. “Creolised Texts and their Communicative Function.” *Optimisation of Speech Impact*. Moscow, 1990.
13. Alexander, L.G. *Longman English Grammar*. Edinburgh Gate, 2006.
14. Allerton, D. *Tag Questions in G. Rohdenburg and J. Schläuter (Eds.). One Language, Two Grammars? Differences between British and American English (Studies in English Language)*. Cambridge University Press, 2009, pp. 306–323.
15. Axelsson, K. “Confirmation-Demanding Tag Questions in Fiction Dialogue.” *Subjectivity and Epistemicity: Corpus, Discourse, and Literary Approaches to Stance (ed. by Dylan Glynn and Mette Sjölin)*, Lund Studies in English, 2014, pp. 189–209.
16. Axelsson, K. *Tag Questions in Fiction Dialogue*. Gothenburg, 2011.
17. Baker, D. “Tag Questions.” *ELT Journal*, no. 69 (3), 2015, pp. 314–318.

18. Kimps, D. et al. "A Speech Function Analysis of Tag Questions in British English Spontaneous Dialogue." *Journal of Pragmatics*, no. 66, 2014, pp. 64–85.
19. Mukhortov, D., Poletaeva, A. "Pragmalinguistic Competence of U.S. State Department Spokesperson: A Case Study of Heather Nauert's Press Briefings." *Lomonosov Philology Journal*, no. 6, 2020.
20. Tottie, G., Hoffmann, S. "Tag Questions in British and American English." *Journal of English Linguistics*, vol. 34, issue 4. doi: 10.1177/0075424206294369

Received 30.06.2023